

УДК 821.161.1

*Е.В. Никольский, Д. Вальчак***ЕРЕТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ: ПЕРВЫЙ СТИМУЛ К РАЗВИТИЮ СОБСТВЕННО
РУССКОГО БОГОСЛОВИЯ ИКОНЫ И РУССКОЙ ПОЛЕМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Настоящая статья посвящена анализу влияния еретических движений на развитие русского богословия иконы. Богословская мысль об иконописи появляется на Руси только в XVI в. и ее начало было связано именно с распространением еретических движений – стригольников и «жидовствующих», которые отвергали иконопочитание. Poleмика с еретиками, выраженная в посланиях преп. Иосифа Волоцкого, помогла разработать новые аспекты богословия иконы, тем более, что независимо от некоторых терминологических и фактографических ошибок преп. Иосиф защищал не только почитание икон так таковое, но принялся также оправдывать конкретный иконисный сюжет, которым была ветхозаветная Св. Троица.

Ключевые слова: икона, иконопочитание, иконоборчество, полемическая литература, богословие иконы, ересь, стригольники, жидовствующие, преп. Иосиф Волоцкий, Святая Троица.

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-3-492-496

Русь, принявшая христианство от Византии в 988 г., вместе с новой религией приняла также и готовое, уже окончательно сформировавшееся православное учение об иконе. Так как в Византии на Константинопольском соборе 843 г. произошел так называемый «Триумф Ортодоксии», был установлен праздник «Торжества Православия» [8. С. 112], и, следовательно, длившийся больше ста лет период иконоборчества закончился полной победой иконопочитателей. Был принят догмат об иконопочитании, основанный прежде всего на богословских трудах Псевдо-Дионисия Ареопагита и Иоанна Дамаскина. Псевдо-Дионисий утверждал, что всякая вещь одновременно похожа и непохожа на трансцендентную прапричину, из чего вытекает, что возможно не подражание, а только «неподражающее подражание». Согласно Псевдо-Дионисию, иконы должны быть лишены всякой красоты и гармонии, чтобы молящийся человек не представлял себе Бога с помощью простых материальных форм, но возносился мыслью к сверхъестественному, дабы заслужить, наконец, созерцание Божественной красоты [1. С. 18].

В Византии икона понималась как посредник в общении человека с Божеством, а почитание иконы было одновременно поклонением Богу, то есть, Первообразу и Первопричине. В древней Руси в течение нескольких веков господствовало византийское богословие иконы. Здесь появилось много переведенных с греческого языка легенд и преданий об иконах, в том числе и таких, в которых появлялись уничтожающие иконы евреи – иконоборцы (хотя в это время на Руси евреев вообще не было) [7. С. 29].

Более самостоятельная, не-византийская богословская мысль об иконописи появляется на Руси только в XVI в. и ее начало, согласно предположениям исследователей, было связано с распространением двух мощных и немного тайнственных еретических движений – стригольников и «жидовствующих», которые будто бы отвергали почитание икон. Об учении стригольников и «жидовствующих» историки знают исключительно мало, так как сведения об ересьях, за недостатком других источников, приходится заимствовать у враждебно к ним настроенных православных священников. Эта мысль имела также влияние на формирование русской литературы.

Как считает польский искусствовед А. Суликовска-Гонска, на основании количества упоминаний об актах иконоборчества, содержащихся в полемических высказываниях православных священников, можно с абсолютной точностью заключить, что в верованиях «жидовствующих» иконоборческие тенденции занимали существенное место [7. С. 21]. Советские историки Н.А. Казакова и Я.С. Лурье придерживаются другого мнения. Они считают, что стригольники «не признавали присутствующую православной Церкви персонификацию, а также фетишизацию Бога в виде икон и других его изображений» [6. С. 66], тогда как жидовствующие «выступали только против догмата о Троице и его воплощения в иконах» [6. С. 122]. Те же авторы утверждают, что рационалистическая критика догмата о Троице была одним из важнейших элементов учения «жидовствующих». Последние обращали

внимание на то, что, хотя, согласно догмату, Троица «телесными очима не зрима», но с начала века на русских иконах она изображалась в виде трех ангелов с крыльями [6. С. 120].

Стоит отметить, что в полемических произведениях церковных иерархов еретики почти всегда изображаются яркими иконоборцами. Создаются даже красочные легенды, рассказывающие о мнимых святотатствах сектантов, в том числе и впечатляющая история о подъячем Алексейке, который повесил икону на часовне вверх ногами, и о попе Науме, показавшем кукиш иконе [6. С. 123]. Н.А. Казакова и Я.С. Лурье считают, что, хотя сам факт «критического отношения еретиков к поклонению «сотворенным вещам» представляется достаточно вероятным» [6. С. 123], пересказанные иерархами возмутительные истории об их кощунственных действиях по отношению к иконам – это «грубая клевета» Церкви [6. С. 123].

Мы не задаемся целью ответить на вопрос, какое место в учении стригольников и «жидовствующих» занимала критика иконопочитания, но хотим показать, что парадоксально именно возникновение этих двух отрицательно относящихся к иконам еретических движений послужило стимулом к развитию собственно русского богословия иконы. До тех самых пор, пока никто не подвергал сомнению сам догмат об иконопочитании, вполне достаточно было переводных византийских текстов – прежде всего, того же Иоанна Дамаскина, тогда как появление богословски аргументированной критики иконопочитания, наконец-то, принудило церковные власти заняться более подробной разработкой некоторых сторон православного учения об образе.

Это парадоксально благоприятное влияние русских еретиков на развитие богословия иконы имеет аналогии в Византии. О положительном воздействии иконоборцев на византийское богословие иконы писал немецкий искусствовед Г. Бельтинг в ставшей уже классической работе. Польский культуролог Я. Эльснер замечал, что лишь благодаря иконоборчеству догмат об иконопочитании был, наконец-то, кодифицирован [9. С. 16]. Очень недружелюбно относящийся к еретикам Н.К. Гаврюшкин подчеркнул значение еретических движений для формирования русского богословия иконы: «Первый толчок к размышлениям дала ересь, как бы во исполнение апостольского слова: «Подобает бо и ересем в вас быти, да искуснии явлени бывають в вас» (1. Кор. 11, 19)» [3. С. 8].

Автором «Послания иконописцу», первого собственно русского апологического трактата, выступавшего в защиту икон против еретиков, стал преподобный Иосиф Волоцкий (1439–1515), игумен Иосифо-Волоколамского монастыря. «Послание...» было впоследствии включено в «Просветитель», основной его богословский труд. Н.К. Гаврюшкин подчеркивает, что в «Послании...» «преп. Иосиф проявил и широкую осведомленность в святоотеческой экзегезе Священного Писания и завидную изобретательность в развитии аргументации» [3. С. 9], однако его текст основан на цитатах из Священного Писания и традиционных аргументов защитников иконописания» [3. С. 9]. Замечая некоторую односторонность и схематичность утверждений волоколамского игумена, нельзя однако забывать о том, что у него практически не было источников, из которых он мог бы почерпнуть свою аргументацию. В момент возникновения ереси «жидовствующих» у русской Православной Церкви для защиты иконопочитания на вооружении было практически одно только «Слово, сказующее о святых и честных иконах» Иоанна Дамаскина, которое, обосновывая поклонение иконе как таковой, вообще не занимается вопросом канонической оправданности отдельных иконописных сюжетов. Перед Иосифом Волоцким стояла задача потруднее: ему нужно было оправдать существование вполне конкретного иконографического сюжета – появившейся на Руси в начале XV в. «Ветхозаветной Святой Троицы».

В самом начале текста автор пишет, что в своих трех посланиях выступает против еретиков-иконоборцев, которые будто бы отвергают иконы как таковые и утверждают «яко не подобает поклоняться плотскому смотрению, иже нас ради вчеловечшася Бога Слова, ради иконного въображения образу Господа нашего Иисуса Христа, и пречистыя Богородица и всех святых, и честному и животворящему кресту, и божественному еуангелию, и святым и животворящим Христовым тайнам, и освященным съсудом, в них же божественнаа таинства съвершаються, и честным святым мощем, и божественным церквам...» [5. С. 36]. В двух первых посланиях появляется традиционный набор аргументов в защиту иконопочитания, почерпнутых еще у Иоанна Дамаскина, в том числе и о том, что вочеловечение Бога снесло ветхозаветный запрет на изображения того, что «высоко в небе, внизу на земле или глубоко под водой» (Втор 5:8). «И аще убо в Ветхом законе поклоняхуся иже от рук человеческих сътвореной церкви, и прочим божественным вещем, иже сам Бог повеле в славу свою сътворити, то колико паче ныне подобает в новой благодати почитати и покланятися иже от рук человеческих написа-

ному на иконе образу Господа нашего Иисуса Христа» [5. С. 37] – пишет преп. Иосиф Волоколамский. Игумен подчеркивает, что нужно почитать иконы, так как первую икону чудесным образом создал не кто иной, а сам Христос, который «сам повеле и на плащаницы вьобрази» [5. С. 37]. Более поздние иконы были написаны евангелистом Лукой, которому апостолы велели «написати на иконе пречистый Его образ и поклонятися обожественному Его человечеству и на небеса възнесуся» [5. С. 37].

Только во втором послании говорится, что на самом деле эти тексты направлены не против иконоборцев, а против противников икон Святой Троицы – «еретиков, глаголющих, яко не подобает писати на святых иконах Святую и Единосущную Троицу: Авраам, рече, видел есть Бога со двема аггелом, а не Троицу» [5. С. 35]. Как замечает Н.К. Гаврюшкин, перед Иосифом Волоцким встала сложнейшая проблема «согласовать икону Святой Троицы в виде трех Ангелов с каноническим требованием изображать Христа только таким, каким он явился по воплощению и вочеловечении» [3. С. 9]. С задачей этой преп. Иосиф до конца не справился. Волоколамский игумен построил всю свою (довольно рискованную с богословской точки зрения) аргументацию на том, что, хотя Святой Троицы и «невъможна есть нам зрети телесными очима, сих съзерцаем духовне ради иконнаго вьображения» [5. С. 38], но ветхозаветному Аврааму она явилась «чювственно и в человечестве подобии» [5. С. 38], так, что вполне можно изображать ее на иконах в виде тех трех ангелов, которые пришли к нему. Далее преп. Иосиф пробует доказать, что вочеловечение Христа вовсе не исключает того, что его можно изображать и в виде Ангела, в образе которого он явился Аврааму. Поскольку Божественная ипостась непознаваема ее требуется показывать только в тех материальных формах, в которых она явилась миру – «божиаго бо существа невъможно видети ни аггелом, ни человекомъ; ниже мнети, яко се есть Христос в плоти: Христос бо неописан по божеству, и немощно есть ныне того зрети, разве егда приидет второе его пришествие; но яко се есть образ его по человечеству» [5. С. 38]. Автор решительно отвергает тот факт, что Авраам мог видеть Бога с двумя ангелами, поскольку три ангела были равны друг другу, а нигде же бо в писаниях обрящеши, яко аггели съпрестольници быша Богу когда, но спрестолен есть Отцу Сын и Святой Дух, яко же свидетельствуют божественнаа писания, ветхаа же и новаа [...]» [5. С. 42].

Независимо от некоторых логических и богословских ошибок, послания Иосифа Волоцкого являются хронологически первым русским богословским текстом, целиком посвященным вопросам богословия иконы. Преп. Иосиф защищал в нем не только почитание икон так таковое, но принялся также оправдывать конкретный иконисный сюжет, которым была популярнейшая в его время ветхозаветная Святая Троица.

Польский искусствовед Б. Домб-Калиновская справедливо считает, что «русские еретики в большой степени повлияли на формирование русского богословия иконы, так как хотя во всех основных своих положениях богословие это является повторением того, что создали византийские апологеты почитания икон, это именно еретики вынудили русских богословов выдвинуть на первый план некоторые из них, а даже подробно рассмотреть те, которых не затрагивало византийское богословие иконы» [2. С. 100]. Заслуживает внимания тот и факт, что только дискуссия с «отечественными» иконоборцами привела к развитию русской богословской мысли об иконе. Когда во второй половине XVI в. во время Ливонской войны Московское государство непосредственно столкнулось с довольно отрицательно настроенными по отношению к религиозному искусству протестантами, обвинение в иконоборчестве было впервые использовано в политических целях. Царь Иван IV Грозный в своем послании к австрийскому императору Максимилиану II оправдывал свою агрессию по отношению к Ливонии тем фактом, что протестантские жители этих земель якобы допускают кощунства по отношению к православным иконам. Монарх хотел тем самым уговорить Максимилиана помочь ему в борьбе с ливонцами во имя общей, праславно-католической ценности – иконопочитания [4].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dąb-Kalinowska B. Pojęcie ikony i obrazu sakralnego // B. Dąb-Kalinowska. Ikony i obrazy. Warszawa, 2000. S. 17-30.
2. Dąb-Kalinowska B. Ruska teologia ikony w polemice z heretykami // B. Dąb-Kalinowska. Ikony i obrazy. Warszawa, 2000. S. 92-101.
3. Гаврюшкин Н.К. Вехи русской религиозной эстетики (предисловие) // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв.: Антология / Сост. Н.К. Гаврюшкин. М., 1993.
4. Giza A. List Iwana IV Groźnego do cesarza Ferdynanda I z 1560 r. w zasobie Archiwum Państwowego w Szczecinie // Szczeciński informator archiwalny. 1995. 9. S. 40-46.

5. Иосиф Волоцкий. Послание иконописцу и три «слова о почитании святых икон» // *Философия русского религиозного искусства XVI – XX вв.: Антология*, сост. Н. К. Гаврюшкин, Москва 1993.
6. Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века, Москва-Ленинград 1955. – 554 с.
7. Sulikowska-Gąska A., *Spory o ikony na Rusi w XV i XVI w.* Warszawa 2007. – 324 s.
8. Успенский Л.А. Богословие иконы православной Церкви. Париж 1989. – 474 с.
9. Elsner J. Ikonoklazm jako dyskurs: od starożytności do Bizancjum // *Konteksty: polska sztuka ludowa: antropologia kultury, etnografia, sztuka*. LXVII (2013), № 3: Złe obrazy. S. 15-41.

Поступила в редакцию 28.04.2020

Никольский Евгений, доктор филологических наук, доктор богословия, профессор
Карпатский университет им. Августина Волошина
88000, Украина, Ужгород, ул. Ю. Гойды 4
E-mail: Eugenius-08@yandex.ru

Дорота Вальчак, магистр исторических и филологических наук, аспирант
Варшавский университет
00-927, Польша, Варшава, Краковское Предместье, 26/28
E-mail: dorota.walczak1990@gmail.com

E.V. Nicholsky, D. Walczak

HERETICAL MOVEMENTS: THE FIRST INCENTIVE FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN THEOLOGY OF THE ICON ITSELF AND RUSSIAN POLEMICAL LITERATURE

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-3-492-496

This article is devoted to the analysis of the influence that the emergence of heretical movements had on the development of Russian theology of the icon. The theological idea of icon painting appeared in Russia only in the 16th century and its beginning was connected precisely with the spread of heretical movements – Strigolniki and “Judaizers”, who rejected icon veneration.

The polemic with heretics, expressed in the epistles of St. Joseph of Volotsk, helped to develop new aspects of the theology of the icon, especially since regardless of some terminological and factographic errors, St. Joseph defended not only the veneration of icons in itself, but also began to justify the specific iconic plot, which was the Old Testament Holy Trinity.

Keywords: icon, icon veneration, iconoclasm, theology of icon, polemical literature, heresy, strigolniks, Judaizers, St. Joseph of Volotsk, Holy Trinity.

REFERENCES

1. Dąb-Kalinowska B., Pojęcie ikony i obrazu sakralnego [The concept of icon and religious image.] // B. Dąb-Kalinowska, *Ikony i obrazy*. [Icons and paintings.] Warszawa 2000. S. 17-30. (In Polish).
2. Dąb-Kalinowska B., Ruska teologia ikony w polemice z herezykami [Russian icon theology in polemics with heretics.] // B. Dąb-Kalinowska, *Ikony i obrazy*. [Icons and paintings.] Warszawa 2000. S.92-101. (In Polish).
3. Gavryushkin N.K. Vekhi russkoy religioznoy estetiki (predisloviye). [Milestones of Russian religious aesthetics (foreword).] // *Filosofiya russkogo religioznogo iskusstva XVI–XX vv.: Antologiya*. [Philosophy of Russian religious art of the 16th – 20th centuries: Anthology.] Ed. N. K. Gavryushkin, Moskva 1993 (In Russian).
4. Giza A., List Iwana IV Groźnego do cesarza Ferdynanda I z 1560 r. w zasobie Archiwum Państwowego w Szczecinie. [A letter from Ivan IV the Terrible to Emperor Ferdinand I from 1560 in the State Archives in Szczecin.] // *Szczeciński informator archiwalny*. 1995. 9. S. 40-46. (In Polish).
5. Iosif Volotskiy, Poslaniye ikonopistisu i tri «slova o pochitanii svyatykh ikon». [Message to the icon painter and three “words about the veneration of holy icons”] // *Filosofiya russkogo religioznogo iskusstva XVI–XX vv.: Antologiya*. [Philosophy of Russian religious art of the 16th – 20th centuries: Anthology.] Ed. N. K. Gavryushkin, Moskva 1993 (In Russian).
6. Kazakova N.A., Lur'ye Ya.S. Antifeodal'nyye yereticheskiye dvizheniya na Rusi XIV – nachala XVI veka [Antifeodal heretical movements in Russia of the XIV – beginning of the XVI century]. Moskva, Leningrad 1955. 554 s. (In Russian).
7. Sulikowska-Gąska A., *Spory o ikony na Rusi w XV i XVI w.*, Warszawa 2007. 324 s. (In Polish).

8. Uspenskiy L.A. Bogosloviye ikony pravoslavnoy Tserkvi, Parizh, 1989. 474 s. (In Russian).
9. Elsner J. Ikonoklazm jako dyskurs: od starożytności do Bizancjum // Konteksty: polska sztuka ludowa: antropologia kultury, etnografia, sztuka. LXVII (2013). № 3: Złe obrazy. S. 15-41. (In Polish).

Received 28.04.2020

Nicholsky Evgeny, Doctor of Philology, Doctor of Theology, Professor
Carpathian University named after Augustin Voloshin
Yu. Goydy st., 4, Uzhgorod, Ukraine, 88000
E-mail: Eugenius-08@yandex.ru

Dorota Walczak, Master of History and Russian Philology, Ph Candidate
University of Warsaw
Krakowskie Przedmieście st., 26/28, Warsaw, Poland, 00-927
E-mail: dorota.walczak1990@gmail.com